

ПЫТАЯСЬ УГАДАТЬ В МОЛЧАНИИ ЛЮБОВЬ...

Стихи из книги «Секретный чат»

* * *

В городе на Оке, в городе на Неве ли,
Зная наперечёт улицы и мосты,
Глядя на ледоход, полутона, пастели
Вечера на реке, не узнавать черты
Города, берегов. Ветер меня полощет.
Что может проще?... Но — ничего не проще.
Около моря ли, около океана,
Сравнивая себя с рыбой на глубине,
С горлицей в вышине,
с каплей на дне стакана,
Буквы переставляй в городе у реки,
Зная по именам площади, тупики,
Именем прошлых лет каждое назови.
Где бы ни лечь костыми,
Лишь бы лечь по любви.

* * *

Прохлада реки и тепло воскресенья равны.
Плыви по фарватеру, шумно дыша, и смотри,
Как радуга встала от этой до той стороны,
И всем коромыслом горит.
Дыши и молчи, пусть течение уносит тебя
По Волге широкой по матушке в синее море.
Дыши и гребь, согреваясь, мечтая, любя,
Простой человек на просторе.
Простой человечек, уставший
бежать во всю прыть,
Ложась на волну,
вспоминает начало времён.

Когда-то он влёгкую мог океан переплыть,
Но был на земле сотворён.
Двуногим, бесхвостым,
и ни одного плавника,
У рек и озёр поселяться обучен едва,
И вечно стремление к безднам с материка —
Открыты не все острова.
Пока у воды и у воздуха градус один,
Плывёт человек по фарватеру,
шумно дыша,
Прохладе реки и воскресному дню
властелин.
И пламенеет душа.

* * *

Что тебе рассказать о моей тоске,
О деревне Нижняя Береске?
Не хранили храм, порубили лес,
Что один не выдал, другой не ест.
Посидим на крыше — кругом поля,
Кабачки, подсолнухи, тополя,
И такого насыпано от щедрот,
Что кровавый месяц порезал рот.
По домам наличников больше нет,
Трафаретно вырезанный цветмет
Белый пластик окон покрыл навек.
Креативно мыслящий человек
Вырезает выгодные цветы,
И с цветами солнечными на ты.

От села Свяжск до реки Шушма
До деревни тихой Ямашурма
Никаких не будет охранных зон,
Потому что в каждом окне шансон.
У моей деревни хмельной плетень,
С неба сыплет звёздная канитель...
Так давно не давали побыть одной,
Что ушла в одиночество, как в запой.
И желаний моих не счесть —
Полыхали и падали за мечеть
Огромные звёзды, шурша хвостом,
Становились вогнутым в тьму мостом,
И от самой Ташёвки до Албабы
Пролегли в небосклоне косые швы.
Сигани с моста в голубой залив,
Да сорви с куста золотой налив,
Вот и все желания сожжены
До шипенья внутренней тишины.

Хоть всю жизнь на желания распиши,
Что из них настоящее, от души?...

* * *

Как в речном порту корабли
Отрываются от земли,
Пронеси меня через порт —
Мой от крика открытый рот.
Как на фото — дрожь по спине,
Но горит голова в огне.
Но пылают мои сердца,
Отправляется их кромсать
Из-за Волги пылливый май.
Не лви меня, не снимай.
Вот, скрипя, пускается вплавь
Дебаркадер «Верхний Услон».
Отпусти меня и оставь.
Дебаркадер «Нижний Услон»
Тоже вдаль пускается вплавь.
Оба сердца мои оставь,
Содрогаются от любви.
Не снимай меня. Не лви.
Лень закусывать удила,
Я бы каждому родила.
Отрывается от земли,
Как в речном порту корабли,
Рвётся, рыжее, как костёр,
Моё время во весь опор.

* * *

На макушке у лета срываю в кисель ревеня.
Мне снятся русские названия деревень.
Переберёшь имена — Васильево, Аракчино...
Произнесёшь, а там такое заключено, —
Что стоят-не шевелятся травы

в селе Печищи,
Я говорю тебе — дыры есть и почище,
А ты усмехаешься, лохматая голова.
И пряно пахнет некошенная трава,
Примята и горяча на краю разлома,
Скажи мне, где мы, если мы оба дома?
Скажи мне, кто мы — в Тенишево,

в Камском Устьи?
Нас обоих мама и папа нашли в капусте.
На излучине лета срываю сушить коренья.
Мне снятся татарские названия деревень,
Я люблю находить на карте
школьной указкой

Две деревни Бурнашево —
Русское и Татарское.

А в поле уходит ямой сырая штольня,
Там умирает кошка, и так мяучит,
Что сон этой ночью будет наполнен болью,
Как старая печь на Волге угольной кучей.
В поле дымятся цветочные ароматы.
Кошка из-под земли прощается с нами —
Кто бы вы ни были, синими, злыми снами,
Только любовь остаётся за всё расплатой...

* * *

Книга лета раскрыта в серёдке,
трава горяча,
где колено касалось колен и плечо плеча,
где босиком по душистой траве иду,
летопись лета печатая на ходу.
Это место, где свет —
где-то там, в переплёте страниц,
в перемёте на шуку, в чае из чабреца,
Кто листает июль по часам,
не смыкая ресниц,
Пишет как дышит, и муза идёт на живца.
От лета до лета лежит на воде рыба-кит,
Сладко зевает и говорит-говорит:
Вот услонилась река под покатою горой,
Вот обнимает русалку
Гораздый герой.
Печальна как мир эта сказка,
как мир стара.

Бежала река, оставалась стоять гора.
Дождями политый, спасайся в реке по грудь,
Я уплываю, а ты меня не забудь.
Летопись пишется ливнями на песке,
Чтобы запомнил,
Отвешивает леща.
Столько будет страниц —
Сколько зёрнышек в колоске.
Сочини её так,
как умеешь рубить с плеча.

* * *

В русской деревне стены ночной тиши,
Как тёмные избы, среди немоты стоят,
Бегу по ручьям до берега в камыши
Кружить по воде в хороводе речных наяд.

Там воду уютжит узкая лодка долблёнка,
Тумана висит неглаженная пелёнка,
Костры по реке горят, за рекой гора,
Над ней наблюдает мир луноглазый Ра.

А значит пора, а значит опять пора.
Иди же со мной до мотора от монитора,
До пристани, до белого метеора.
Татарской деревни узорчатые ворота —
Эзопов язык без русского перевода.

От дерева к дереву и от деревни к деревне
Будешь ходить, высматривая родное,
Спрашивать черемисов,
с мишарами выпивать,

Цыганка Маруся тебе нагадает
Чужое счастье не воровать.

Вот и скажи, ты кто, назови мне имя,
В этой деревне тебя назовут Алиса,
А за рекой назовут тебя алиСА,
Кто ты теперь, словами глаголь чужими,
Родными словами, и речь родную учи,
Чтобы уметь дорогу спросить в ночи.

Учи языки, а финно-угорскую душу
Свою береги, не тереби, а слушай.
В этой деревне нечего ворошить,
Сено-солома, сомнение жить-не жить.
Домик твой брошенный
в красной косоворотке,
Садик зарос... да разговор короткий

У старого дома, ветренная, с тобой, —
Сменила тяжкую ношу на рай легковой.
Квадратик земли, и следы от межи до межи.
Чьи они, помнишь? Вот и не вороши.

* * *

На татарском ли ты языке говорила со мной?
Был нам солнцем бәлиш,
полумесяцем был кыстыбый.

На каком языке
помолилась однажды зимой,
Чтобы я родилась и узнала и небыль, и быть?

«Элли-бэлли» вполголоса пела,
печалась о чём?..
Был румяным пирог
и из блюбочка чай с молоком.

Родниками питала, учила, что всё нипочём,
Почему я теперь не владею твоим языком?..

Мы приехали поздно,
мы сделали всё до рассвета,
Время встало и двигалось
медленно в доме пустом.

На родном языке
мы с тобой погорюем об этом,
На любимом любом языке
посмеёмся о том.

Беглый рокот ручья,
быстрый говор степного народа,
Инструменты того,
кто привык управлять, разделяя.

Может быть «чын татар»
потому, что и речь, и порода;
Может быть «чын татар» по любви,
и тогда — это я?..

* * *

Речные пристани уходят на зимовку.
По дебаркадеру увозят на буксире
До тихой гавани, за пазуху столицы.
И шкипер курит, и дрожат ресницы,
Пора отчаливать на зимние квартиры.
Речные пристани уходят на зимовку.

Светла печаль нескорого свидания...
Не празднуют речные капитаны,
Немного слов обронят о закрытии,
Глубинных, переполненных наитием.
Печаль светла, как волжские лиманы.
Печаль светла. До нового свидания!

* * *

Ты спал на острове, и сон ходил вокруг,
И я его водила за спиной,
Он был крылат, объёмен и упруг,
Он ветром был, и он летел за мной.
Ты спал на травах, смятых сгоряча,
Среди реки, на камне головой.
Мой страх — огромный пёс сторожевой,
Сидел у изголовья и молчал.
Ты спал, и бились волны в корни ив,
И сон тебя унёс к семи морям,
Там семь ветров, кораблик утопив,
Тебя кидали жадным дочерям.
Ты спал в доспехах из одной любви,
И не достался никому из дев.
Мой страх сторожевой, мой визави,
Хранил тебя на суше и воде,
Ты спал и ничего не знал о том.
Твой сон воздушным змеем улетал,
Одна любовь ловила полотно
За ниточку-серебряный металл.

* * *

Всё истончилось и стало тонкое, и звенит.
Мама сказала, что рвётся там,
где шов потайной.
Взрослые дети в иглу вдевают
стальную нить,
Но не зашить того, что болит у неё самой.
Всё становится слабым, прозрачным,
худеньким напросвет.
Вырастая, как будто становишься
как мишень.
Ты любим только тем, кого любишь,
а нет — так нет,
И живёшь одинокий
и редкий лесной жень-шень.
И живёшь, набирая корнями глубоких сил.
Что ты сделаешь с этим лекарством
на ход ноги?
Что тебе остаётся, кроме родных осин?
Для кого тебя мама учила печь пироги?
Уведи меня в ночь, где текут Печора и Ангара,
Северный край, укрой, и поглубже — в лесу.
Только волки и вороны
на рисунке его ковра.
Только не спит барсук.

* * *

Татарская кровь идёт в обход круговой.
Русская кровь зовёт её за собой.
Одна мне велит: беги через поле давай,
да громче свисти-кричи.
Другая лежит себе на печи.

Папина кровь
фарватером протекает неторопливо.
Мамина кровь её берегом обгоняет.
Одна в половодье шумит,
заливая луга и нивы —
Другая раскинула цирк с конями.

Татарская кровь в голове шумит,
огнём меня обдаёт.
Волосы дыбом и по спине мурашки.
Русская кровь молчит-помолчит
и тоже достанет шашку,
Рубит с плеча и песни, песни поёт...

Иногда они рядом лежат,
как реки Волга и Кама,

И она впадает в другую
бескрайним морем.
В зеркале неба они читают моря и страны
И летописи народов – тома истории.

* * *

В ночь на Ивана Купалу
небо землю не поливало,
травы шелестело правобережное тело.
По Волге кирпичные печи
да звонкие березняки,
небо упало в верхнеуслонские родники.

Где оно, наше небо,
полное светлой влаги?..
Правому берегу жарко лежать в овраге,
в угольной печи да в волжской ночи,
за белыми камушками,
небо в душное поле упало,
небо дышит боярышником.

Венок из ромашки пахнет любовью
и белым хлебом!
Где бы ты ни был, зачем ни пришёл бы
сюда, кем бы ты не был,
разыщи упавшее небо,
перепрыгнув через костёр,
ведут хороводы
двадцать родных сестёр, –

Небо у них в подоле спряталось, хохоча,
убежало в древние печи
для обжига кирпича.
Купалу купают маленькие волжане,
небушко прячется в их домашней пижаме.

Травное время вышло, скоро высохнет вовсе,
скоро Купала у неба дождя попросит.
Выпадут росы, дожди напитают поле,
небо отпустит воду на вольную волю...

